

ДЕТЕКТИВ ❗ ЗАГАДКА

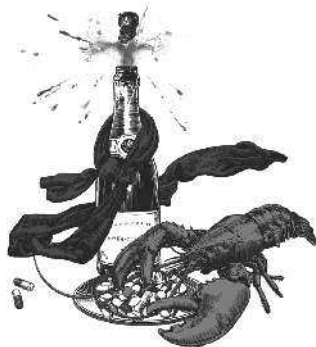

Читайте детективы-загадки Натальи Андреевой

- Эра Стрельца
Ничего личного
Комната с видом на огни
Десять дней до весны
Соло для пистолета
с оркестром
Эскорт
Кен
Авторал
- Любовь и смерть всегда вдвоем
Любовь и смерть в прямом
эфире
Любовь и ирония судьбы
Я садовником родился
Накануне солнечного
затмения
Стикс
- Мертвым не мстят, или Шутка
Фобия
Поговори со своей тенью
Черное белое
Все оттенки красного
Ловушка для падающей звезды
Сезон дикой охоты
Грозы медового месяца
Муж за алиби
Дети Белой Богини
Куда уходят грешницы, или
Гробница Наполсона
Ангард!
- Высокий блондин на белой
лошади
Принц Эдил
Пробка
Островитяне
- Вид на жительство в раю
Любовь и смерть в толпе
Раб лампы
Черная кошка в темной
комнате
Выдержка
Стикс-2
Парижская тайна,
или Истина в вине
Сто солнц в капле света
Сто солнц-2.
Влюбленные безумны
Попробуйте позвонить
позднее...
512 килобайт долларов
Метель
Утро ночи любви
Проигравшему
достается жизнь
Достаточно одной таблетки
Огненная лилия
Я стану тобой
Три ступеньки в небо
Нить Ариадны
Обмани меня нежно
Пристрелите нас,
пожалуйста!
- Райский уголок для смерти
Любовь и смерть
в социальных сетях
Альфа-женщина
Правая рука смерти
Нагадали мне суженого
Москва не принимает

Наталья Андреева

Правая рука
смерти

МОСКВА
2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А65

Оформление серии *С. Киселевой*

- Андреева, Наталья Вячеславовна.**
А65 Правая рука смерти : роман / Наталья Андреева. —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Детек-
тив-загадка. Романы Н. Андреевой).

ISBN 978-5-699-65122-1

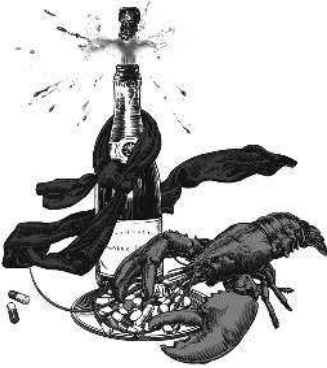
Пятеро человек попали в ловушку... Их ждет изощренная кара за грехи прошлого. В этот загородный дом их заманили по-разному. Бизнесмена Брагина пригласили поговорить о его долге хозяину дома. Блогера Самсонова соблазнила любовница посещением закрытого клуба, где отрываються пресыщенные богачи. Трех женщинам предложили работу, посулив за нее огромные деньги: Татьяне — место домработницы, Тамаре — семейного врача, а Софье — ассистентки профессора Ройзена в его новом эксперименте. Ими умело манипулируют, зная слабости каждого, их медленно сводят с ума. Брагина запугивают пытками, у Самсонова отняли возможность общения в Инете с его фанатами, терапевта Тамару шантажируют смертью ее пациентов, красавицу Софью пугают подступившей старостью, Татьяну вынуждают работать сверх меры... Все они обречены на сумасшедший дом или на смерть! Так кто он, доктор Ройзен, и за что мстит этим людям?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-65122-1

© Андреева Н.В., 2013
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

*Pade Poena claudo*¹.
(Горацій. Оды, 111, 2)

Палата №1

Телефон звонил не переставая. Звук был нудный, вибрирующий, словно в окно бился огромный шмель, отчего дрожало стекло, тряся подоконник, ходуном ходили занавески. Либо его надо выпустить, либо прихлопнуть, этого назойливого мутанта — шмеля. Но жужжащий звук на одной ноте раздражал Брагина меньше всего, он устал от всяких там «Мурок» или «Танцев маленьких лебедей», этих наиболее часто выбираемых всякими дебилами рингтонов. Вообще от людей. Номер, высветившийся на дисплее, не определялся, но Анатолий подумал, что его может добиваться так настойчиво потенциальный клиент, и на звонок все же ответил. В трубке раздался приятный женский голосок:

— Здравствуйте, Анатолий Борисович! Ох и непросто же до вас дозвониться! Из банка беспокоят.

— Из какого еще банка? — спросил он, разочарованно зевая.

— Из банка, которому вы денег должны.

¹ *Pade Poena claudo* (лат.) — Хромоногая, то есть медлительная кара.

6 — Слушайте, вы меня достали! — заорал он, раздражаясь. — Звоните и звоните! Домой звоните, на работу звоните, бывшей жене, дочери, соседям и тем звоните! И днем и ночью! Телефоны меняете, чтобы я трубку брал! Достали, суки!

— Это вы нас достали! — повысила голос и девушка. — Вы нам деньги должны, и немалые, учитывая набежавшие проценты! А платить не хотите!

— Я вам сто раз говорил: нет у меня денег! Заказчик меня кинул! Моя фирма работу сделала, а ей не заплатили! Заказчик обанкротился! И как я, по-вашему, могу вернуть кредит, да еще с вашими грабительскими процентами?!

— А мы вам в сотый раз отвечаем: это ваши проблемы! Судитесь с заказчиком, получайте деньги по исполнительному листу и переводите их нам! Мы подождем.

— Да как я буду с ним судиться, если он в Прибалтике?!!

— А о чем вы думали, господин Брагин, когда заключали контракт?

— О том, что либо я слохну, либо вы разоритесь, суки!

— Как видите, мы не разорились. Терпеливо ждем, когда вы образумитесь. Я вас в последний раз спрашиваю: платить будете?

— Нет. А станете доставать — обанкрочу свою фирму. Или закрою ее здесь, в Москве, а перерегистрирую, блин, в Чечне. Или в Хабаровске. Но денег вы от меня хрен получите. Нет их у меня, понятно? Концы с концами едва свожу.

— Как вам не стыдно, Анатолий Борисович! Мы ведь прекрасно знаем, что вы живете в центре Москвы в огромной четырехкомнатной квартире, которая стоит не

один миллион долларов! Если хотите, мы вам предоставим оценщика и покупателя сами найдем. Поменяйте вашу квартиру на меньшую, где-нибудь на окраине, и без проблем рассчитаетесь с долгами. Еще и на жизнь останется.

— Иди ты на х...

Анатолий Брагин со злостью отшвырнул мобильный телефон. Ишь, чего захотели! Чтобы он отдал за долги свою квартиру?! Да он ее годами собирал, как мозаичное панно, по кусочкам! Сколько сил на это потрачено, сколько нервов! А денег?! Одна перепланировка чего стоила! Чтобы теперь на нее все облизывались: не квартира ведь, а конфетка!

Сначала это была коммуналка. Хоть и в центре Москвы, но все равно: коммуналка. Со всеми вытекающими. Четыре комнаты, стены толстенные, словно в каком-нибудь средневековом замке, потолки высоченные, коридор длиннющий и узкий, как кишка. Крохотная кухня, где ютились шаткий стол с тремя колченогими табуретками, плита с тремя работающими конфорками и холодильник с тремя полками, каждая подписана, а каждый сверток на ней промаркирован. Кое-кто колбасу линейкой замерял: сколько осталось съедобных сантиметров. Потому что желающие пожить за чужой счет имелись в избытке. Это потом каждая семья обзавелась собственным холодильником и запирала его в своей комнате вместе с едой, когда все обитатели коммуналки стали жить в относительном достатке. Но плита по-прежнему была общей, и конфорок на ней только три. Как хочешь, так и крутись!

Один сортир на всех, одна ванная комната, в которой вечно кисло белье, постоянные споры о том, кто нагреет больше электричества. В одной из комнат, са-

8 мой большой, жила многодетная семья, и их сопливые отпрыски приходили с прогулки грязные, как свиньи. Они все были свиньи, и фамилия у них соответствующая: Кабановы. Трое младших Кабановых вечно были голодными, они залезли грязными пальцами в чужие кастрюли, пытаясь подцепить кусок мяса или хотя бы картофелину, без зазрения совести отрезали от чужого батона колбасы, таскали чужое печенье и чужие конфеты. Повсюду оставались их грязные отпечатки и следы крепких, безжалостных зубов, которые способны были крошить и камень, если бы камень этот оказался съедобным и мог насытить их бездонные желудки.

НАТАЛЬЯ АНДРЕЕВА

Бабушка Анатолия, потомственная дворянка, чье воспитание не позволяло устраивать сцены, терпела молча. Когда-то ее семье принадлежал огромный дом в Москве, летняя резиденция в пригороде и роскошное поместье в Малороссии. После революции у юной графини осталась только девятиметровая комнатка в коммуналке и скромное жалованье машинистки. Родителей расстреляли, она чудом осталась жива, и то лишь потому, что приглянулась усатому комиссару. Жили так, то есть, согласно моде революционного времени, без венчания. Дети тоже рождались так, хотя фамилию носили комиссарскую: Брагины. Сожителя в тридцать седьмом расстреляли, имущество конфисковали, и от большой комиссарской любви бабушке осталась все же девятиметровая комнатка в коммуналке со скандальными соседями презираемого ею пролетарского происхождения.

Слава богу, дети были пристроены, спрятались в глубинке, дочь почти девочкой выскочила замуж в Поволжье за мужчину в два раза ее старше и неплохо устроилась в небольшом, но уютном и спокойном про-

винциальном городке, а двенадцатилетний сын временно поселился у тетки в глухой деревне. Сестра комиссара была женщиной бездетной и Бореньку взяла на воспитание охотно. Ждали, когда все утрясется и сыну врага народа можно будет вернуться к матери в столицу. Когда парню пришло время получать образование, грянула война, университеты пришлось пройти в окопах, и с фронта Борис Брагин вернулся не к матери, которую знал мало, а к тетке. Мать не жаловалась, терпела. Могло быть хуже, у большинства ее подруг, бывших румяных гимназисток, сложилось все не так удачно, как у нее. Сколько их потеряло здоровье в лагерях? А сколько вообще не вернулось? Бабушка же Анатолия Брагина дожила до восьмидесяти шести лет и до последнего сохраняла ясный ум и великолепную память. Рассказывала ему о дореволюционной Москве, о первом в жизни бале, который, увы, оказался и последним. И женихи, brave офицеры и отпрыски древних дворянских родов, галантно целовавшие ручку, тоже остались там, в дореволюционном прошлом.

Нет на свете справедливости, о чем на тесной коммунальной кухне постоянно судачили. Это Анатолий Брагин помнил до сих пор. Он поселился у бабушки в семнадцать, когда приехал поступать в институт, и, легко пройдя по конкурсу, остался в Москве. Стал полноправным членом коммунального сообщества и окунулся в жизнь, полную интриг и сплетен. Слишком уж разные здесь жили люди. Сошлись они в одном: нет на свете справедливости. Хотя понимали они это по-разному. Бабушка считала несправедливой конфискации московского дома, загородной резиденции и малороссийского поместья. И что теперь она имеет вместо всего этого великолепия — лишь девять квадратных

10 метров жилой площади, а Кабановы, отродясь не едавшие ничего слаще морковки, жаловались на то, что им пятером приходится ютиться в одной комнате, в то время как Инессе Валерьяновне с дочерью и внуком принадлежат целых две! На троих две комнаты! Вы только подумайте, какая немыслимая роскошь! Смешно, но на этой почве бывшая графиня, ныне зарабатывающая на жизнь частными уроками французского, и ткачиха Кабанова, еле-еле осилившая восемь классов средней школы, сошлись! Да еще как сошлись! Они составили партию несправедливо обиженных злодейкой-судьбой и против Инессы Валерьяновны устроили целый заговор! И своего добились! После расправы с «врагами» две их комнаты честно были поделены между победителями, правда, многодетным Кабановым досталась большая.

Все это случилось лет тридцать тому назад, коммунальные войны, невольным участником которых стал Анатолий Брагин. Он получал тогда в техническом вузе высшее образование, которое ему впоследствии почти не пригодилось. Зато бабушке, как инвалиду, нуждающемуся в постоянном уходе, удалось прописать внука к себе. И он, уроженец российской глубинки, стал-таки полноправным москвичом. Бабушка прекрасно умела разыгрывать немощную старуху, хотя на самом деле если у нее и были проблемы со здоровьем, то это выражалось не зубцами кардиограммы, а заикленностью на квадратных метрах.

— Все это должно быть твоим, — шептала она внуку, когда соседи не слышали. — Сначала мы выживем отсюда Инессу Валерьяновну, а потом придет черед и этих плебеев. Мы себе все вернем, Толенька. Восстановим справедливость. Из грязи обратно в князи, а пролетарские князья пусть возвращаются туда, где им самое

место. — И рафинированная бабушка произносила плохое слово, обозначающее биологический наполнитель отхожего места. — Это все твое по праву рождения, и ты должен жизнь положить на восстановление справедливости, — внушала она внуку.

Тогда Анатолий Брагин еще не представлял, как он это сделает. Но бабушка добилась своего: он тоже зациклился на квартире. Ни одна из его жен так и не была здесь прописана. Ни одной при разводе не досталось ни метра. А благодаря единственной дочери и ее недавно родившемуся сыну, которого Брагин тут же прописал, отобрать у него единственное жилье по суду не могли, хотя дочь давно уже жила отдельно и с отцом старалась не общаться. С ее матерью Анатолий лет десять был в разводе, но дочка пошла в него, расчетливая. Прописалась на всякий случай вместе с малолетним ребенком у отца, чтобы многомиллионную собственность из рук не упустить. Все оформили грамотно, не подкопаешься. У Брагина был хороший юрист, он же лучший друг, Вадим Копылов. Мысленно Анатолий уже не раз сказал ему спасибо. Ах, сколько подводных камней пришлось обойти! Сколько взяток рассовать нужным людям! Зато теперь — накось выкуси!

Когда банк начал давить, Брагин вспомнил все перипетии многотомной квартирной истории и пришел в бешенство. Одни Кабановы чего стоили! Что вы прикажете делать с многодетной семьей? Они хоть и были Кабановы, но плодились как кролики. Он даже пошел на крайность, хоть и скрепя сердце: купил им аж две отдельные квартиры, чтобы заполучить две их комнаты в коммуналке! Но отселил-таки это скандальное семейство плебеев. Это был великий праздник. Главный в его жизни, когда он ОДИН пил шампанское в тесной кух-

12 не, строя грандиозные планы превращения коммунального сарая во дворец. Дела тогда шли отлично, денег было полно. Жаль, бабушка не дожила. Но Анатолия все равно переполняло чувство гордости: он это сделал!

И вот теперь его заставляют обменять мечту всей жизни на халупу, расположенную за МКАД, у черта на куличках, пусть даже на две халупы, если совсем в жопенях, и в придачу к ним на деньги, которые он должен будет, ха-ха, отдать какому-то банку!

Да наось выкуси!

— Господин Брагин? — прозвучал в трубке женский голос.

— Киса, это ты? Ха-ха! Смешно! Как ты меня: господи-ин... Не узнал, богатой будешь.

— Это не Киса, — (ехидно). — Вам из банка звонят, Анатолий Борисович.

— А почему с этого телефона? Ведь номер же...

— Правильно: одной из ваших подружек, которая любезно согласилась нам помочь и предоставила на пять минут свой мобильный телефон. Вы же теперь не отвечаете на звонки, если номер вам незнаком. Что нам остается делать? Звонить через ваших знакомых, чьи телефонные номера вам известны.

— Вот стерва Анька!

— Дайте-ка мне трубку! — произнес другой женский голос. — Сам козел! Слышишь, Брагин?! Ты когда мне последний раз звонил?! А что обещал?! Помнишь?! А у тебя, оказывается, долги-и!

— Да у кого их нет!

— Ты мне шубу норковую обещал!!!

— Получишь ты свою шубу!

— Ага! Я теперь знаю, что ты мне врал! Козел ты, слышишь?!

— Девушка, дайте мне трубку, — (снова сотрудница банка). — Господин Брагин, я с огромной радостью сообщаю вам, что ваши угрозы обанкротить фирму возымели действие. Мы с вами сегодня общаемся в последний раз. Банк счел вас абсолютно безнадежным клиентом и продал ваш долг коллекторскому агентству. Теперь вы будете общаться с РАККом.

— С каким еще раком?

— Российская ассоциация коллекторского консалтинга. Или как-то так. Так что не удивляйтесь ничему. Скажу честно, мы продали ваш долг аж с девяностопроцентной уценкой, но мы на это пошли, чтобы вас проучить. Вы самый недобросовестный и наглый клиент из всех, кого мы знаем.

— Да пошли вы! Испугался я какого-то рака!

— Раз вы такой храбрый, желаю вам удачи, — (с иронией). — Но обещаю, господин Брагин, что вы нас еще вспомните. И пожалеете о том, что не пошли нам навстречу.

— Сука!

— Брагин, ты козел!!!

— И ты, Анька, сука! Чтоб вы обе сдохли!

Анатолий Брагин по привычке хотел отшвырнуть телефон, по которому получал теперь лишь дурные вести, но передумал. Пальцы торопливо заскользили по дисплею. «Финдеп». Он звонил Вадиму Копылову.

— Вадик, здорово! Проясни мне один момент.

— Внимательно слушаю тебя, о, шеф!

— Шутки в сторону. Мне из банка звонили.

— Опять?

— Не опять, а снова. Они сказали, что продали долг какому-то РАККу. Две «К».

— Да понял я. Плохи дела, старик.

— Ты меня не пугай.

— А я не пугаю. Ты слышал когда-нибудь про Серафима Кузьмича?

— Нет, а кто это?

— Пора бы тебе знать. Это главный коллектор в нашей стране, можно сказать, гуру всех вышибателей долгов. Величают его Серафим Кузьмич Быль.

— Кто? Пыль?

— Быль. А ты не смейся, Толя. Коллекторский бизнес в нашей стране относительно молодой, ему лет шесть, максимум семь, а Серафим этим делом занимается вот уже лет пятнадцать. Начал в девяносто восьмом, когда из тюрьмы вернулся, где отсидел семь лет за бандитизм. Сечешь? Как думаешь, кем он был раньше?

— Вышибалой, что ли?

— Именно. Сейчас-то у него все по-белому. Банк уступил ему свои права требования по договору цессии...

— Слушай, Вадик, не грузи меня юридическими терминами!

— Хорошо, не буду. Вкратце: есть черные коллекторы, есть серые, а есть белые. Так вот начинал Серафим как бандит, и хотя теперь он белый и пушистый, в основном на психику давит, но старые методы, я думаю, не забыл. И ребята у него работают серьезные, есть и бывшие «силовики», и, само собой, братки. А теперь еще и грамотные юристы, которым я в подметки не гожусь. Он очень богатый человек, Толя. Просто неприлично богатый. Потому что дело свое добре знает. Так что голосок soft-коллектора, девушки из банка, тебе

может впоследствии райской музыкой показаться. Люди Серафима Кузьмича обзвонном клиентов не занимаются. Раз он купил твой долг, то намерен на этом разжиться. За сколько, говоришь, он его приобрел?

— С девяностопроцентной уценкой, — мрачно сказал Брагин.

— Круто. Что ж, это его бизнес, купить за копейку многомиллионный долг и все вернуть сполна. Он это умеет.

— Паяльник, что ли, в задницу вставит? Так ведь сейчас не девяностые.

— Он, между прочим, бывший детдомовец. В пятнадцать на завод пошел, одновременно в школу рабочей молодежи. Даже в вузе отучился, честно хотел жить. А когда страна начала разваливаться, вместе со своими приятелями, бывшими детдомовцами, банду сколотил. Кузьмич такую школу жизни прошел, что нам с тобой, Толя, и не снилось. Он свою пайку научился зубами выгрызать, когда мы еще только письмо Онегина к Татьяне наизусть учили и думали, что все у нас будет в шоколаде. Зверь, не человек. Так что советую договориться.

— Я квартиру не отдам. Ты знаешь, как она мне досталась.

— Что делать, Толя? Жизнь дороже.

— Хватит меня пугать!

— А я не пугаю. Ты спросил — я ответил.

— Вместе, между прочим, вляпались.

— Так я готов, так сказать, искупить. Войти в долю.

— Скажи мне честно: что будет?

— Как действует Кузьмич? Этого я не знаю. Сейчас не знаю. Говорят, фантазия у него богатая. И вообще он с заскоками. Своеобразный дядька.

